A 325/821

№ 5

Библіотека Соціалиста. № 3.

А 325/821

Э. К. Пименова.

Единство государства и федерація.

Цѣна 20 коп.
Издательство «Шиповникъ» Петроградъ, Николаевская, 31.

1917

2013122449

Государственная
БИБЛИОТЕКА
СССР
им. В. И. Ленина

51293-60

Единство государства и федерація.

Нѣтъ ни одного государства на свѣтѣ, которое населялъ бы только одинъ народъ. Мы видимъ, что въ Россіи живутъ не одни только русскіе, а въ Германіи не одни только нѣмцы.

Въ каждомъ государствѣ населеніе бываетъ смѣшаннымъ, т. е. кромѣ главнаго, господствующаго народа, въ государствѣ живутъ и другіе: такъ въ Россіи, кромѣ русскихъ, живетъ много другихъ народовъ, но всѣ они считаются подданными русскаго государства и гражданами русской земли. И во многихъ другихъ государствахъ составъ населенія такой же разнородный. Происходитъ это отъ двухъ причинъ: или потому, что болѣе сильное государство, часто, путемъ захвата или завоеванія, присоединяетъ къ себѣ владѣнія своихъ сосѣдей, со всѣми живущими въ нихъ народами, превращая этихъ людей такимъ насильственнымъ путемъ въ своихъ подданныхъ—или же оттого, что люди другой національности добровольно поселятся въ какомънибудь чужомъ государствѣ ради торговыхъ и иныхъ цѣлей и сами, или впослѣдствіи ихъ потомки, становятся подданными этого государства. Такимъ образомъ населеніе государства дѣлается смѣшаннымъ и подобныхъ государствъ со смѣ-

шаннымъ населеніемъ найдется очень много. Чтобы различные народы, населяющіе одно государство, жили мирно и согласно между собою, надо, чтобы всѣ они считали это государство своимъ отечествомъ, а это возможно лишь въ томъ случаѣ, если всѣмъ разноплеменнымъ подданнымъ государства одинаково хорошо живется подъ покровительствомъ законовъ, справедливыхъ для всѣхъ. При такихъ условіяхъ люди, даже разныхъ національностей, говорящіе на другомъ языкѣ и исповѣдующіе другую религію, нежели господствующій народъ, будутъ тѣсно связаны съ коренными гражданами этого государства, и послѣдніе вправѣ расчитывать, что въ минуту опасности эти новые граждане будутъ также самоотверженно и горячо защищать его интересы, какъ будто бы оно было ихъ настоящимъ отечествомъ.

Все это, разумѣется, относится только къ тѣмъ людямъ, которые по собственной доброй волѣ поселились въ чужомъ государствѣ и стали потомъ его гражданами. Не такъ обстоитъ дѣло съ тѣмъ народомъ, который насильственнымъ образомъ, путемъ завоеванія, сдѣлался подданнымъ какого-нибудь другого государства, и гдѣ государство присоединило къ себѣ цѣлыя области съ ихъ кореннымъ населеніемъ. Тутъ народы, часто совершенно чуждые и враждебные другъ другу, становятся гражданами одного и того же государства, которое требуетъ, отъ этихъ насильственно присоединенныхъ гражданъ, такого же подчиненія и такой же преданности, какъ и отъ своихъ коренныхъ жителей.

Справедливо ли это? Конечно нѣтъ и побѣжденный народъ обыкновенно только силой удерживается въ повиновеніи. Однако на силу не всегда можно положиться, да и непріятно имѣть въ своемъ же отечествѣ врага, котораго всегда надо остерегаться. Представьте себѣ, что японцы, побѣдившіе насъ въ Манчжуріи, захватили бы какую-нибудь русскую провинцію и стали бы вводить въ ней японскіе законы и обычаи, а русскихъ жителей заставили бы посылать своихъ дѣтей въ японскія школы и даже запрещали бы имъ молиться по-русски, а принуждали ихъ учить молитвы на непонятномъ японскомъ языкѣ. Каково бы себя чувствовали русскіе, превратившіеся такимъ насильственнымъ образомъ въ японскихъ подданныхъ? А вѣдь такъ дѣлается почти въ каждой завоеванной или присоединенной странѣ, съ каждой національностью, живущею въ государствѣ, но не принадлежащею къ господствующему народу. Въ Россіи, напримѣръ, поляки, даже живущіе въ Польшѣ, лишены были права обучать своихъ дѣтей на родномъ языкѣ и польскія школы были всѣ закрыты и замѣнены русскими. Отъ польскаго простолюдина, не умѣющаго говорить по-русски, требовалось, если онъ явится съ какою-нибудь просьбою, жалобой или ходатайствомъ къ начальству, чтобы онъ излагалъ все это на русскомъ языкѣ, что было для него, конечно, очень затруднительно. Да и начальство было все русское и зорко слѣдило за тѣмъ, чтобы народъ не употреблялъ нигдѣ своего роднаго языка, напротивъ скорѣе позабылъ его. Но развѣ можно забыть свое происхожденіе, отречься

отъ своей религіи, отъ своего родного языка, отказаться отъ родныхъ обычаевъ? Развѣ русскій, сдѣлавшись насильственнымъ образомъ японскимъ подданнымъ, могъ бы превратиться въ японца, могъ бы забыть свою національность, свой родной языкъ? Такъ и всякій другой народъ, и поэтому мы не должны удивляться, что полякъ желаетъ, чтобы его дѣти учились въ школѣ на польскомъ языкѣ, а малороссъ на малороссійскомъ и всѣ они хотятъ, чтобы дѣти не забывали своего родного языка и всегда помнили, кто они такіе. Мы не должны осуждать за это покоренный народъ, такъ какъ и сами мы поступали бы такъ же, еслибъ съ нами случилось такое несчастье и насъ завоевалъ бы другой народъ. Никогда и ни въ какомъ случаѣ, мы не должны были бы забывать, что мы русскіе!

Какъ же тогда помочь дѣлу, когда въ государствѣ есть побѣжденные народы? Какъ заставить этого побѣжденнаго врага, готоваго воспользоваться каждымъ удобнымъ случаемъ, чтобы отомстить побѣдителю и повредить государству, которое покорило его, превратиться въ друга и вѣрнаго защитника своего новаго отечества? Средство для этого простое: надо, чтобы населеніе завоеванной области убѣдилось, что государство, побѣдившее его, не посягаетъ ни на его права, ни на его свободу и не мѣшаетъ ему жить такъ, какъ оно привыкло жить раньше, требуя отъ него только честнаго и искренняго отношенія къ своей верховной власти и соблюденія законовъ. Тогда враждебныя чувства къ побѣдителю, вполнѣ естественныя первоначально у каж-

даго побѣжденнаго народа, мало-по-малу исчезнутъ и могутъ впослѣдствіи замѣниться искреннею дружбой. Побѣжденный народъ, продолжая жить въ тѣхъ же условіяхъ, въ какихъ онъ жилъ раньше и оставаясь на своей родной землѣ, можетъ, пожалуй, чувствовать себя даже счастливѣе и спокойнѣе чѣмъ прежде, находясь подъ охраною болѣе могущественнаго и богатаго государства, дѣйствительно стремящагося упрочить благополучіе всѣхъ своихъ подданныхъ. Тогда уже собственныя выгоды побѣжденнаго народа будутъ требовать, чтобы онъ поддерживалъ и защищалъ то самое государство, которое когда-то насильственно присоединило его къ себѣ и, забывъ прежнее чувство озлобленія, искренно и честно служилъ ему.

Но какъ этого достигнуть? Представьте себѣ, что какое-нибудь государство присоединяетъ къ себѣ цѣлую область, населенную другимъ народомъ, который исповѣдуетъ другую религію, говоритъ на другомъ языкѣ, у котораго установились совсѣмъ другіе обычаи и объявляетъ этотъ народъ своими подданными, т. е. дѣлаетъ для него обязательнымъ подчиненіе своимъ законамъ. Однако завоеванный народъ не можетъ же сразу измѣниться, онъ не въ состояніи отказаться ни отъ своего родного языка, ни отъ своей религіи, ни отъ тѣхъ обычаевъ и законовъ, которымъ онъ привыкъ повиноваться, и если завоевавшее государство будетъ принуждать его къ этому, то этимъ будетъ только поддерживать въ немъ глухое озлобленіе и вражду. При помощи насильственныхъ мѣръ нельзя никого привязать къ се-

бѣ, нельзя заставить служить себѣ вѣрой и правдой. Если, сознавая свое безсиліе, побѣжденный народъ глубоко затаитъ свою вражду, то вѣдь она вырвется наружу при первомъ же удобномъ случаѣ. На кажущееся спокойствіе такого народа никогда нельзя положиться. Такъ не лучше ли обратить его въ своего друга и защитника, нежели въ тайнаго врага? Если народъ будетъ чувствовать желаніе оставаться въ государствѣ, если это будетъ для него выгодно и удобно, то изъ врага онъ непремѣнно превратится въ друга и союзника. Этого можно достигнуть, если, подчинивъ завоеванную область своей верховной власти, государство не будетъ стѣснять населеніе въ дѣлахъ вѣры, предоставитъ ему возможность производить судъ и учить дѣтей на родномъ языкѣ, для всѣхъ понятномъ, позволить ему устраивать мѣстныя дѣла согласно установившимся обычаямъ, то есть дастъ ему широкое самоуправленіе или автономію.

Разсмотримъ подробнѣе какъ управляются автономныя области?

Автономная область управляется мѣстными выборными людьми, безъ вмѣшательства посторонней власти. Собраніе этихъ выборныхъ людей, облеченныхъ довѣріемъ населенія, будетъ ли оно называться сеймомъ, совѣтомъ, думой, или какъ нибудь иначе, обсуждаетъ всѣ *мѣстныя* дѣла, удовлетворяетъ нужды *мѣстнаго* населенія и изъявляетъ обязательныя постановленія, имѣющія силу закона только для жителей области. Центральная власть т. е. правительство того государства, къ которому принадлежитъ автономная

область, не вмѣшивается въ ея мѣстное управленіе и,—самое бо..ьшее, что оно назначаетъ туда своего высшаго представителя. Въ Австріи, напримѣръ, гдѣ есть такія автономныя области, общіе и мѣстные законы издаются императоромъ; но для того, чтобы общіе законы получили силу нужно согласіе имперскаго парламента, то есть собранія представителей всего государства, а для мѣстныхъ законовъ нужно согласіе областныхъ сеймовъ, т. е. мѣстныхъ собраній представителей автономныхъ областей. Предлагаемые мѣстные законы могутъ, пожалуй, и не быть принятыми областнымъ сеймомъ, если они окажутся почему либо неудобными и невыгодными для населенія, но общегосударственный законъ будетъ обязателенъ и для населенія автономной области какъ и для всѣхъ гражданъ государства, и онъ-то и устанавливаетъ границы самостоятельности каждой автономной области.

Многіе опасаются, что если государство дастъ автономію, то есть широкое самоуправленіе, разнымъ народамъ, входящимъ въ его составъ, то эти народы будутъ стремиться отъ него отложиться и образовывать самостоятельныя государства. «Автономія, говорятъ эти люди, угрожаетъ единству, цѣлостности государства»!

Такъ ли это? На дѣлѣ мы видимъ с всѣмъ другое и я поясню это примѣрами такихъ государствъ, гдѣ существуетъ самая полная и широкая автономія областей. Но прежде разберемъ, что означаетъ единство государства и чѣмъ оно поддерживается. Главная и наиболѣе прочная опора государственнаго единства и могущества

заключается въ народномъ сознаніи, и въ томъ что все населеніе одинаково заинтересовано въ сохраненіи силы и мощи своего государства и въ его благосостояніи. Для того, чтобы такое сознаніе могло развиваться и крѣпнуть, вовсе не нужно, чтобы населеніе государства было однороднымъ или чтобы всѣ области, входящія въ составъ государства, но населенныя разными народами, были устроены по одному образцу и населеніе въ этихъ областяхъ было бы подвластно господствующему народу. Наоборотъ, нужно чтобы никто никого не притѣснялъ, чтобы интересы одной части населенія не приносились въ жертву интересамъ другихъ и, чтобы полное объединеніе было выгодно для всѣхъ и ничто не препятствовало удовлетворенію нуждъ и потребностей мѣстнаго населенія. Нужно также чтобы народъ, исповѣдующій другую религію, могъ безпрепятственно посѣщать свои храмы и учить своихъ дѣтей въ школахъ на своемъ родномъ языкѣ. Это нисколько не помѣшаетъ ему сознавать всѣ выгоды и удобства своего объединенія съ великимъ и сильнымъ государствомъ подъ охраною котораго ему такъ хорошо и спокойно живется. Никогда, живя въ такихъ условіяхъ, народъ не будетъ думать объ отложеніи, тѣмъ болѣе, что полная независимость непремѣнно была бы сопряжена для него съ необходимостью принимать мѣры для огражденія своей безопасности отъ болѣе могущественныхъ и воинственныхъ сосѣдей. Для него, слѣдовательно, выгоднѣе быть объединеннымъ съ сильнымъ государствомъ и въ особенности съ такимъ, кото-

Государственная
БИБЛИОТЕКА

рое не мѣшаетъ его самостоятельности въ извѣстныхъ предѣлахъ и не попираетъ ногами его національныхъ чувствъ. Внѣшнимъ же образомъ, единство государства, при существованіи автономныхъ областей, поддерживается, во-первыхъ, единствомъ верховной власти, а во вторыхъ— единствомъ армій, сношеній съ иностранными государствами и общегосударственныхъ финансовъ, такъ какъ управленіе и руководство этими отдѣлами находится въ рукахъ центральнаго правительства даже тамъ, гдѣ существуетъ самая широкая автономія. Населеніе автономной области обязано защищать и поддерживать государство, когда оно подвергается опасности, и, конечно, можно не сомнѣваться, что оно сдѣлаетъ это, потому что его собственные интересы требуютъ этого; А мѣстныя нужды и потребности, конечно, лучше всего могутъ быть извѣстны мѣстнымъ жителямъ и скорѣе всего онѣ будутъ удовлетворены посредствомъ мѣстныхъ законовъ, изданныхъ мѣстнымъ же законодательнымъ собраніемъ, такъ какъ вѣдь центральному правительству приходится много возиться съ общегосударственными дѣлами и потому оно зачастую откладываетъ все остальное, какъ маловажное. Случается, что многія, вполнѣ справедливыя требованія мѣстнаго населенія, цѣлыми годами остаются неудовлетворенными, за неимѣніемъ у правительства времени заняться этимъ. При самоуправленіи ничего подобнаго не можетъ быть и мѣстныя нужды населенія быстро удовлетворяются мѣстнымъ же законодательнымъ собраніемъ выборныхъ людей.

Итакъ автономія не можетъ угрожать опасностью единству государства и тамъ, гдѣ населеніе нуждается въ мѣстныхъ законахъ; автономія только принесетъ пользу и поведетъ къ укрѣпленію сознанія необходимости единства государства. Она скрѣпитъ его и въ томъ случаѣ, если чуждому народу, присоединенному къ государству, будетъ дано право управляться собственными законами и сохранять свои обычаи, религію и родной языкъ. Въ Европѣ есть страна, называемая Швейцаріей, въ которой мирно и дружно живутъ три различныя національности: нѣмцы, французы и итальянцы, составляя вмѣстѣ одинъ народъ — швейцарскій. Единству Швейцаріи, какъ государства можетъ позавидовать любая страна, несмотря на то, что всѣ эти три національности, составляющія населеніе Швейцаріи полноправны, ни одинъ народъ не господствуетъ надъ другимъ и всѣ правительственныя распоряженія печатаются на трехъ языкахъ. Швейцарія состоитъ изъ 25 отдѣльныхъ государствъ, называемыхъ кантонами и каждый кантонъ, пространствомъ гораздо меньше любой изъ нашихъ губерній, управляется совершенно самостоятельно и на основаніи своихъ собственныхъ законовъ. Но всѣ кантоны вмѣстѣ образуютъ швейцарскій союзъ, который долженъ заботиться объ охранѣ независимости отечества и о защитѣ его отъ внѣшнихъ враговъ, онъ же защищаетъ свободу и права гражданъ и содѣйствуетъ ихъ общему благополучію. Объявленіе войны и заключеніе мира, а также всякихъ политическихъ и торговыхъ союзовъ и договоровъ, можетъ быть произведено только союзнымъ правительствомъ,

въ вѣдѣніи котораго находятся также почта и телеграфъ, чеканка монеты и монетное законодательство, таможня, акцизъ и т. д. Такимъ образомъ, несмотря на свою полную самостоятельность, швейцарскіе кантоны все-таки тѣсно связаны другъ съ другомъ и всѣ швейцарцы, все равно считаютъ ли они своимъ роднымъ языкомъ французскій, нѣмецкій или итальянскій языкъ, готовы, какъ одинъ человѣкъ, защищать свое общее отечество; слѣдовательно, полная самостоятельность кантоновъ, ихъ автономія, не угрожаетъ никакой опасностью цѣлостности швейцарскаго государства и, напротивъ, скорѣе скрѣпляютъ его единство, такъ какъ кантонамъ выгоднѣе держаться вмѣстѣ, нежели существовать отдѣльно. Но Швейцарія—небольшое государство, а вотъ другой примѣръ того, что автономія нисколько не вредитъ единству даже огромнаго государства. Мы видимъ это въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки. Американцевъ никто не заподозритъ въ отсутствіи патріотизма, т. е. любви къ своему отечеству и они много разъ доказывали свою преданность и любовь къ нему, а единодушіе ихъ въ дѣлѣ защиты отечества особенно выразилось во время послѣдней войны съ испанцами, надъ которыми американцы одержали блестящую побѣду. Во всѣхъ случаяхъ гдѣ надо было постоять за честь и славу своей родины, американцы всегда оказывались ея горячими и самоотверженными защитниками. А между тѣмъ Соединенные Штаты не представляютъ одного нераздѣльнаго государства. Они потому и называются *Соединенными штатами,* что состоятъ изъ отдѣльныхъ, почти независимыхъ госу-

дарствъ—штатовъ, соединенныхъ въ союзѣ. Особенность государственнаго устройства Сѣверной Америки заключается именно въ томъ, что тамъ, наряду съ общенаціональнымъ правительствомъ, существуютъ еще отдѣльныя правительства въ каждомъ штатѣ, а всѣхъ ихъ сорокъ четыре! Каждый американскій гражданинъ, проживая въ какомъ нибудь штатѣ, можетъ считать, что онъ живетъ въ почти независимомъ государствѣ. Только деньги и почтовыя марки вездѣ одинаковы, да происходящіе черезъ каждые четыре года выборы народныхъ представителей и главы государства, президента сѣверо-американскаго союза т. е. Соединенныхъ Штатовъ, напоминаютъ, что эти штаты составляютъ одно государство, единство котораго существуетъ вполнѣ и проявляется во всѣхъ важныхъ случаяхъ.

Каждый штатъ имѣетъ свои законы, свои законодательныя собранія, т.-е. собранія народныхъ представителей, издающія законы и управляющія штатомъ, свое мѣстное устройство, свои школьные порядки, свои налоги, свои суды и т. д., и тѣмъ не менѣе всѣ штаты вмѣстѣ составляютъ единый американскій народъ. Но въ управленіе отдѣльныхъ штатовъ никто не вмѣшивается. Если они издаютъ плохіе законы, то тѣмъ хуже для нихъ! «Пусть каждый спитъ на той постели, которую самъ себѣ постлалъ“,—говорятъ американцы—и, если въ какомъ нибудь штатѣ плохо приходится его жителямъ, то они сами должны позаботиться объ исправленіи зла и измѣненіи дурныхъ законовъ въ хорошую сторону. Гдѣ существуетъ самоуправленіе, тамъ все должно зависѣть отъ боль-

шинства мѣстныхъ жителей, и разумные граждане должны заботиться о томъ, чтобы издавались хорошіе законы и должны просвѣщать неразумныхъ гражданъ и направлять ихъ на правильный путь.

Такой союзъ самостоятельныхъ областей, представляющихъ отдѣльныя государства, какъ напримѣръ, штаты въ Америкѣ и кантоны въ Швейцаріи, называется *федераціей* и мы видимъ, что даже федеративное устройство государства, гдѣ автономія достигаетъ самыхъ широкихъ предѣловъ нисколько не мѣшаетъ ни его единству, ни его силѣ. Все населеніе американскихъ штатовъ считаетъ себя „*единымъ американскимъ народомъ*“ и поэтому американская конституція, то есть собраніе важнѣйшихъ законовъ государства, начинается словами: „Мы, народъ Соединенныхъ Штатовъ“, и т. д. Эти слова указываютъ, что тамъ народъ издаетъ законы и что верховная власть принадлежитъ ему. Однако, это не мѣшаетъ Соединеннымъ Штатамъ быть однимъ изъ самыхъ могущественныхъ государствъ въ мірѣ и внушать къ себѣ уваженіе и въ другихъ странахъ.

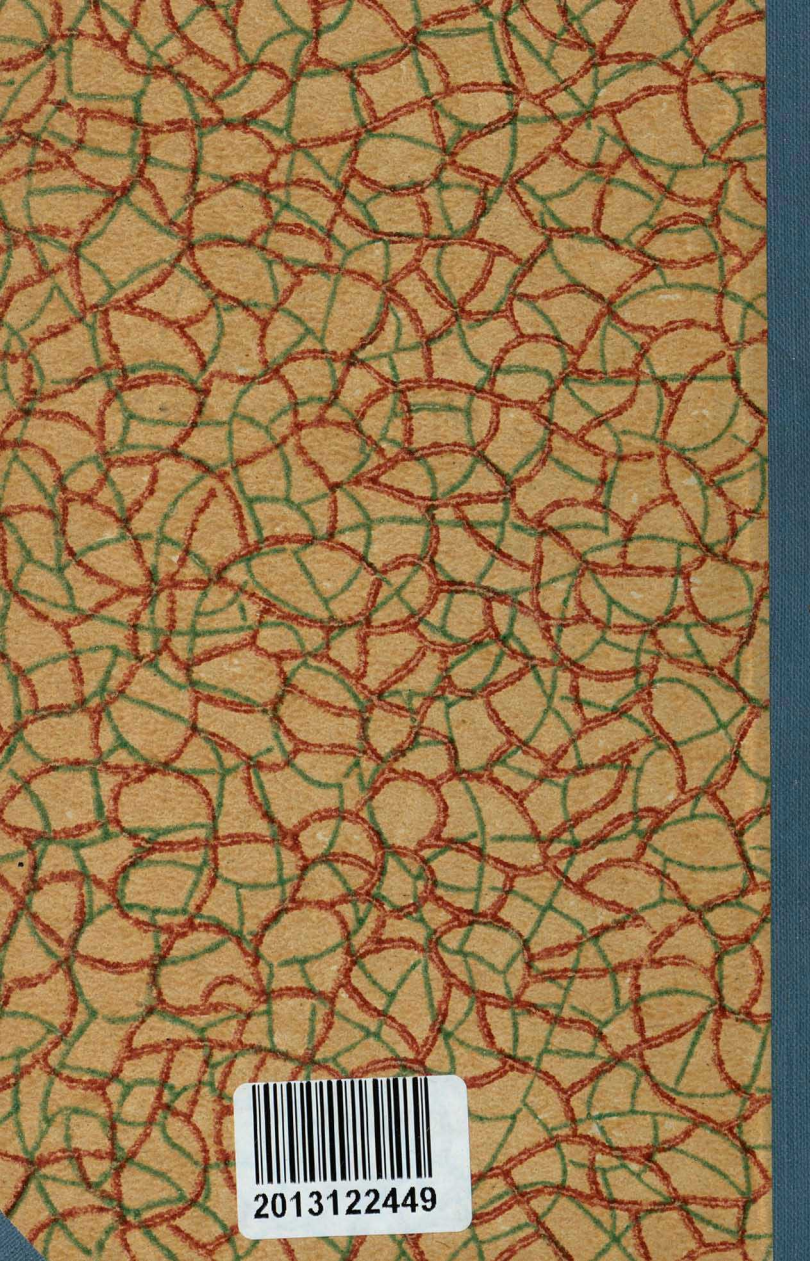
Главная цѣль федераціи—это сохраненіе самобытности государства. Отдѣльныя области, входящія въ составъ федеративнаго государства, пользуются въ широкихъ предѣлахъ самостоятельностью и независимостью въ дѣлахъ своего управленія. Но объединившись въ союзъ они образуютъ одно государство, въ сохраненіи и процвѣтаніи котораго заинтересованы одинаково всѣ области и національности, населяющія ихъ. Такое самостоятельное существованіе отдѣльныхъ областей, такъ же какъ и удовлетвореніе правъ отдѣльныхъ націо-

нальностей, возможны только въ демократической, федеративной республикѣ и мы указали уже на Соединенные Штаты Америки и на Швейцарію, какъ на примѣръ такого демократическаго устройства. Россія, населенная различными народностями, должна воспользоваться опытомъ этихъ государствъ, должна тоже превратиться въ союзное государство, въ федеративную республику и только тогда она вступитъ на путь мирнаго и спокойнаго развитія.

Но если даже федеративное устройство государства не ведетъ къ его распаденію, то тѣмъ менѣе опасности въ этомъ отношеніи представляетъ автономія отдѣльныхъ областей, составляющая лишь высшее развитіе и расширеніе мѣстнаго самоуправленія. Бояться автономіи нечего: она, напротивъ, можетъ только упорядочить отношенія между центральнымъ правительствомъ и областями, населенными иноземнымъ народомъ, такъ какъ дастъ этому народу возможность жить по своему и заставитъ его, ради собственной выгоды и благополучія, поддерживать единство и могущество государства. Англичане поняли это и поэтому они дали автономію своимъ владѣніямъ въ другихъ частяхъ свѣта—колоніямъ, а когда случилась война, то эти колоніи сами пришли на помощь Англіи и своими войсками, и деньгами. И тутъ, слѣдовательно, автономія не привела къ отпаденію, напротивъ Англія всегда можетъ расчитывать на ихъ помощь въ случаѣ нужды, а славу и могущество Англіи колоніи по прежнему близко принимаютъ къ сердцу. Итакъ, видѣть въ автономіи ущербъ государственному единству могутъ только тѣ, кто

не заботится о внутреннемъ единствѣ, о внутренней мощи и благополучіи государства, а только о внѣшнемъ единствѣ, о наружномъ спокойствіи подчиненныхъ народовъ, которое устанавливается и поддерживается только мѣрами принужденія и мало приноситъ пользы государству.

Типографія Г. Лойцянскаго, Вознесенскій пр. № 53.

2013122449